

Инерция пассивной адаптации

В российском обществе постоянно возникают группы, стремящиеся к модернизации, однако эти импульсы гасятся интересами самосохранения властных групп, оппортунизмом элит и общественной апатией основной массы населения | **ЛЕВ ГУДКОВ**

Потребность в прогнозах, остро ощущаемая сегодня во многих кругах российского общества, вызвана нарастающим осознанием стагнации в стране в последние годы путинского правления. Утрачена перспектива: непонятно, откуда ждать перемен, не видно тех сил, которые могли бы изменить сложившуюся ситуацию. Отсюда обостренное внимание в околоэлитных кругах (вне зависимости от партийных или идеологических позиций) к явлениям социального протеста, напряженное ожидание социального взрыва или же стремление разглядеть признаки раскола наверху — нарастание противоречий внутри тандема, которые могли бы дать повод говорить о переходе к политике перемен. В этом контексте попытки проследить, что же, собственно, может меняться и в каких пределах, оказываются способами объяснить настоящее и, в меньшей степени, — подвергнуть ревизии средства политического анализа.

Аморфность социальной структуры общества

Существенных изменений *в социальной морфологии общества* в прогнозный период — десять лет — ожидать не следует. И не только потому, что данный отрезок времени мал для того, чтобы произошли принципиальные сдвиги в социальной структуре. Институциональные

реформы, которые могли бы повлечь за собой трансформацию общественного состава, приостановлены или продекларированы, но не реализованы. Начиная с 2000-х годов социальные изменения утратили характер целенаправленной политики, который они имели в первой половине 1990-х. Доминантой происходивших изменений следует признать явления пассивной адаптации населения к результатам противоречивой внутренней политики высшего руководства, чья основная мотивация — обеспечение власти и ее удержание, в том числе посредством перераспределения собственности.

За последние пятнадцать лет наиболее существенные перемены, затронувшие повседневную жизнь основной массы населения, были вызваны деградацией советского ВПК и связанной с этим деиндустриализацией. Удельный вес промышленных квалифицированных рабочих в структуре взрослого населения сократился с 32 проц. в начале 1990-х годов до 19 проц. в первой половине 2000-х. Между тем «квалифицированные рабочие» в советское время были модельным «средним классом», их установки, ценности, образ жизни, аспирации приобретали идеологически-нормативный характер благодаря воздействию пропаганды и образования. Они навязывались и в какой-то степени принимались другими группами в качестве

координат массовых запросов и представлений. Поэтому начавшаяся деиндустриализация сопровождалась не только значительным ростом секторов обслуживания и торговли, восполнивших прежние дефициты и пороки плановой экономики. Одновременно она ускорила эрозию и разложение советской системы распределения авторитетов, доходов и статусов (а значит, и всего социального порядка). Особенно тяжело эти процессы ударили по низовой советской бюрократии, по занятым в науке, образовании, здравоохранении, культуре и т. п., чья деятельность обеспечивала интегрированность и смысловое воспроизводство всего общества. Эти потери лишь частично были компенсированы быстрым распространением коррупции, перетеканием работников из одной сферы занятости в другие.

Бурное развитие торговли и услуг означало появление ранее не существовавших зон интенсивного социального обмена, рост рыночных отношений, формирование новой социальной инфраструктуры. Оно также сигнализировало о появлении иных, чем прежде, приоритетов, а также об изменениях в характере массовых запросов и моделей поведения, — но только «там, где есть деньги». Напротив, реорганизация власти, повлекшая за собой перераспределение и приватизацию госсобственности, не изменила закрытого характера этих сфер социальной жизни. Они по-прежнему остаются непубличными, неподконтрольными обществу. Материальные интересы самых активных и лучше других организованных групп — администрации, бизнеса — связаны сегодня в первую очередь с возможностями доступа к власти (и получения привилегий и преференций), а не с условиями эффективного функционирования экономики и управления. Мотивацией указанных групп является удержание и закрепление достигнутых ими социальных позиций. Тем самым дискредитирована сама идея заслужен-

ного или признанного социального продвижения и богатства. Достигнутые позиции не могут быть признаны или сохранены иначе как через санкцию власти. А это означает, по меньшей мере, дефицит культурных (моральных, правовых, идеологических) средств гратификации и оправдания уже достигнутого, таких как признание неотчуждаемых прав собственности, реальность авторитета, заслуженность занимаемого положения в социальной иерархии¹. Другими словами, неопределенность социальной стратификации российского общества — это отражение слабой легитимности современных центральных институтов (управление, собственность, авторитет, право), которая компенсируется лишь технологиями нейтрализации или подавления массового недовольства. Именно поэтому в массовом сознании социальный порядок воспринимается как «несправедливый», сомнительный с моральной и правовой точки зрения, иррациональный, не зависящий от «простых людей», не стимулирующий повышение продуктивности и стремление к новому.

Привычная закрытость институциональных структур господства и подчинения, непрозрачность механизмов отбора наверх или продвижения по карьерной лестнице стирают, затушевывают социокультурные различия между статусами и группами. И это несмотря на сильнейшие разрывы в доходах — намного превосходящие европейские или американские показатели — между верхними (властными и окол властными) группами, с одной стороны, и низшими слоями населения — с другой. «Объективные» классификации такого рода классов, групп и их подразделений, производимые российскими социологами и экономистами, имеют пока весьма условную ценность, поскольку не подкреплены ни институционально, ни культурно². Прогнозные предположения о том, что двигателем модернизации в России

будет «средний класс», которому нынешний режим назначил роль гаранта социально-политической «стабильности» в стране и одновременно — локомотива «инноваций», представляют собой ничем не подкрепленные идеологические утверждения. В лучшем случае — это иллюзии либералов. Ни в массовом сознании, ни в общественной практике таких категорий или «коллективных сил» нет. Напротив, территориальные, в том числе региональные, различия условий жизни кажутся «естественными», не «социальными» и тем самым практически неизменными. Для большей части населения эти различия оказываются более значимыми, чем классово-сословные характеристики индивида или его семьи, то есть чем положение индивида или малой группы на рынке труда и в отношениях собственности.

Жесткость институциональной системы

Сложившаяся в России при Путине институциональная система подавляет социальные предпосылки развития страны, создавая неблагоприятные условия для долгосрочного и устойчивого функционирования экономики. В первую очередь это относится к институтам, призванным защищать собственность (суд, правоохранительные органы), но не способным выполнить эту свою задачу. Тем самым оказывается невозможно защитить те отношения, которые экономика лишь опосредует. Речь идет об автономности сфер, не подчиненных контролю государства, а значит — производу коррумпированного чиновничества, эгоизму властных групп, идеологическим предрассудкам.

Подобные условия в сфере бизнеса порождают монополизм и ограничение конкуренции, ставку предпринимателей на максимальное извлечение прибыли в кратчайшие сроки — ведь композиция сил во власти неустойчива и может в любой момент измениться, и тогда теперешние преимущества

«номенклатурного бизнеса» окажутся его слабым местом. Другими словами, государственный фаворитизм и интервенции в экономику, например, контроль за ценами, барьеры на пути иностранных инвесторов и неизбежная при этом коррупция становятся питательной средой для сильнейших антиконкурентных стимулов.

На российском фондовом рынке преобладают спекулятивные средства и внешние источники фондирования. Доминирующее положение в экономике страны занимают несколько крупнейших нефтяных, газовых и энергетических компаний-эмитентов. Сектора же производства, ориентирующиеся на внутреннего потребителя, практически не котируются на бирже (за редким исключением производителей мобильных систем и подобных им компаний). Не попадают на этот рынок и компании, связанные с высокими технологиями, те самые, которые могли бы стать основой будущего долговременного развития национального хозяйства. А это значит, что фондовый рынок не выполняет свою основную функцию механизма перераспределения капиталов в экономике и перевода сбережений населения в инвестиции.

Еще более важным показателем социального потенциала развития экономики является количество малых предприятий. Их число в России за годы путинского «процветания» выросло на 62 проц. и составило к 2009 году чуть больше 1,3 миллиона. Сегодня в малом предпринимательстве занято 9 млн человек, или 12 проц. от всех работников. Такой рост можно было бы считать весьма значительным, если бы не одно «но». В 1999-м, когда правительство возглавлял Михаил Касьянов, аналитики из ГУ — ВШЭ, исходя из трендов восстановительного роста, предполагали, что к «2005–2006 годам число зарегистрированных малых предприятий в России могло бы возрасти в первом приближении до 4 миллионов, а численность занятых на

них — до 32–35 млн человек. Их вклад в ВВП должен увеличиться с нынешних 10–12 проц. до как минимум 35 процентов»³. Но этого не произошло⁴. Нереализованность этого прогноза говорит не столько о неоправданном оптимизме либеральных экономистов, сколько о сохранении неблагоприятной среды для бизнеса.

В 1993–2002 годах во время реструктуризации планового централизованного хозяйства слабое постсоветское государство сокращало свое присутствие в экономике, особенно в крупном бизнесе. Однако начиная с 2003

потребителя не соответствуют стандартам обычной практики рыночных отношений.

В итоге определенная динамика отмечает преимущественно в сферах, не связанных с благосостоянием основной массы людей. Семьдесят процентов населения вообще не имеют сбережений или накоплений (еще у 12–15 проц. накопления незначительны, то есть не превышают оперативный ресурс семейного потребления в расчете примерно на срок от 3 до 6 месяцев). Преобладающая масса (как минимум три четверти) населения живет от зарплаты до зарплаты (или

“Пока в экономике доминирует государство, частный капитал предпочитает вкладывать деньги в отрасли, подкрепленные государственными гарантиями”.

года, как только закончилась фаза реформирования планово-распределительной экономики социалистического типа, заработали новые рыночные институты, начался рост производства и потребления, государство стало все активнее вмешиваться в экономические процессы.

Пока в экономике доминирует государство со своими приоритетами, сводящимися к сохранению власти в руках узкой группы людей, частный капитал не может или не хочет рисковать, предпочитая вкладывать деньги в отрасли, в которых ситуация вполне прогнозируема. Речь идет об отраслях, подкрепленных государственными гарантиями или находящихся под персональной «крышей» руководства страны. Хотя это оборачивается снижением эффективности государства, такой тренд не подрывает устойчивости власти: ведь стабильность режима определяется чиновничеством, а не отношением населения, отчужденного от политического участия. Характер рациональности чиновника и предпринимателя, мотивация держателя административной ренты и российского

от пенсии до пенсии). А это не благоприятствует аккумуляции средств для изменения собственного положения или образа жизни и для инвестиций в будущее (медицинское обслуживание семьи, образование детей). Это значит, что механизмы гратификации, свойственные рыночным отношениям, для основного массива населения России не работают. Другими словами, в стране нет общенационального единого рынка труда, капиталов. Дело не просто в том, что столь значительные группы не располагают никакой собственностью, если не считать условного владения (право распоряжения) своим жильем, дачей или приусадебным участком. Менее очевидные последствия заключаются в следующем: при подобном положении дел не возникают сложные формы социальной солидарности, такие как общественная солидарность (гражданское общество, правовое сознание, кооперация поколений в виде пенсионных фондов и страховых обществ). Остаются втуне также долгосрочное планирование жизни, борьба за коллективные цели или улучшение жизни, автономия правосудия,

оптимизации образования. Низкая мобильность населения указывает на наличие серьезных препятствий на пути формирования рыночной экономики и правового государства в виде неразвитости рынка труда, жилья, коммуникаций, включая и дорожную сеть. Наличие таких барьеров означает, что огромная часть населения не располагает ресурсами для изменения давно сложившегося образа жизни и не может перебраться туда, где есть возможности трудоустройства, улучшения условий жизни, перспективы повышения ее качества⁵.

“Основной массив населения живет с мыслью, что люди в ходе общественных пертурбаций последних двадцати лет утратили нечто важное, не получив ничего взамен”.

Большая часть населения — около двух третей (точнее, 62 проц.) — живет в селе, поселках городского типа и малых городах⁶. В этой категории поселений образ жизни совсем не тот, что в Центре — мегаполисах и крупнейших городах (удельный вес городов, где проживают примерно миллион жителей и более, — таких в России всего 13 — в общей структуре населения составляет 20 процентов). Различия Центра и социальной периферии обусловлены не столько перепадом в уровнях доходов, сколько типом социального, потребительского и досугового поведения, стилем жизни, параметрами информационной среды, а значит, и характером социальных взаимосвязей, разнообразием запросов, значимостью культуры, политическими ориентациями и проч. Бедная периферия образует зону хронической социальной депрессии, застойных напряжений, повышенной социальной аномии и патологии (например, уровень преступности здесь вдвое выше средних показателей по стране). Конечно, и она, в свою очередь, неоднородна. Но если сравнивать с динамичными

изменениями жизни в крупнейших городах, население периферии отличают отсутствие жизненных перспектив, деградация социальной инфраструктуры, сохранившейся от советских времен, высокая степень зависимости от властей и, соответственно, доминирующие государственно-патерналистские ориентации и установки. Для оценки возможных сценариев развития важно иметь в виду, что именно эти группы образуют основной электоральный ресурс партии власти, значительно перевешивающий поддержку любых партий либерального толка. Именно это

периферийное большинство обеспечивает базу консервативной политики.

Население средних, а тем более крупных городов было гораздо глубже затронуто социальными изменениями, поскольку структура занятости и потребительского поведения в них заметно менялась. Но в них растет также и удельный вес чиновничества, административного персонала, численность полицейских и охранных структур, чей государственно-патриотический настрой стал весьма ощутим в 2000-е годы.

Формирование «класса» предпринимателей, как и слоя «свободных фермеров», идет крайне медленно: по оценкам специалистов Левада-Центра, численность предпринимателей не превышает 4–5 проц. взрослого населения. Причина такого положения очевидна: рыночная экономика не может функционировать без доверия населения к финансовым институтам, а те — без правовых и судебных институтов, независимых от исполнительной и законодательной власти. Однако любая попытка вывести судебную систему из-под контроля исполнительной власти создает

угрозу для нынешней политической конструкции, а с ней и для действующего авторитарного режима. В свете этого рассчитывать на реформу судебной власти, по крайней мере в обозримое время, не приходится.

Слабость рыночной экономики обусловлена не малой численностью предпринимательского «класса», а общественной апатией и оппортунизмом, «отсутствием политического инстинкта» — так Макс Вебер называл уклонение крупных российских предпринимателей еще дореволюционного времени от политического участия, выдвижения собственных требований и выражения интересов. Впрочем, такая характеристика справедлива не только для бизнес-класса, но и для всего населения посттоталитарного общества.

Поэтому «догоняющая модернизация» в постсоветском варианте характеризуется двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, в отдельных сегментах общества быстро осваиваются наиболее примитивные из распространенных на Западе форм массовой культуры и потребления (в меньшей степени технологий, коммуникаций, еще меньше — финансово-кредитных отношений). С другой — происходит инволюция или дегенерация прежних советских либо вновь возникающих более сложных форм социальной жизни (фундаментальная наука, культура). Потребительский бум, захвативший в 2003–2007-е примерно 25–27 проц. населения, шел параллельно с сокращением состава высших категорий прежней

советской интеллигенции: в силу отсутствия финансирования, утечки мозгов и прочих причин уменьшалось число занятых в науке⁷, в инновационном секторе промышленности и в проектно-конструкторских разработках.

Основной массив населения живет с мыслью, что люди в ходе общественных пертурбаций последних двадцати лет утратили нечто важное, не получив ничего взамен (см. таблицу 1 на с. 25).

Социальная дифференциация доходов населения становится все глубже, поскольку повышение благосостояния верхних 20 проц. населения лишь в малой степени связано с ростом эффективности экономики. Главным источником этого процесса является перераспределение административной ренты, или, другими словами, обращение властных ресурсов в условную собственность. А значит, решающую роль играют позиции социальных групп в общественной иерархии, близость к власти. Положение этих околотовластных и экономически влиятельных групп в меньшей мере зависит от успешности ведения бизнеса, его инновационности, от производительности труда, оптимизации управления и изменений в мотивации труда, чем от связей с администрациями разного уровня.

По существу, мы имеем дело с ситуацией, когда провинция «заморожена» в состоянии деградации, а Центр (мегаполисы и крупные города) динамично развивается⁸. В результате мы наблюдаем консервацию на периферии ценностей и представлений советского

Таблица 1

ЛИЧНО ВЫ, ВАША СЕМЬЯ ВЫИГРАЛИ ИЛИ ПРОИГРАЛИ ОТ ПЕРЕМЕН, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДИЛИ В СТРАНЕ НАЧИНАЯ С 1992 ГОДА?						
	1999 дек.	2002 нояб.	2006 дек.	2007 дек.	2008 апр.	2009 дек.
Выиграли	10	20	22	29	36	23
Проиграли	74	70	57	41	37	50
Затруднились ответить	16	10	21	30	27	27

В % к числу опрошенных, N=1600

времени, которая воспроизводится и у более молодых; стойкую социальную зависть (заявляемую в адрес «богатых» жителей мегаполисов), комплексы ущемленности, социальную апатию, пассивность, недоверие ко всему новому и необычному, рост консервативных, неотрадиционалистских и националистических установок. Все это служит важнейшим фактором поддержки авторитарной власти, особенно в ходе выборов. Косная и деградирующая периферия гасит те неустойчивые импульсы изменений и модернизации, которые возникают в Центре.

Путинская политика консерватизма

МОДИФИКАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ Плохая работа государственных институтов — общее место в сегодняшних российских дискуссиях.

Критически оценивая нынешний режим, его оппоненты или внешние аналитики обычно подчеркивают неэффективность и косность системы управления, коррумпированность бюрократии, дефицит квалифицированных кадров чиновников, непрозрачность бюджета и распределения финансовых потоков, расхождение между декларируемыми и реально достигаемыми целями политики, смещение акцентов с целей на средства управления и прочие дефекты. При этом критики упускают из виду важнейшие социальные аспекты и функции институтов, а именно социализацию новых поколений, которые получают в наследство сложившуюся политическую культуру. Временной диапазон действия институтов всегда шире времени жизни одного поколения: как правило, они воздействуют на несколько поколений. Это справедливо и по отношению к негласным или конвенциональным формам взаимодействия, которые расходятся с задачами, декларируемыми на официальном уровне.

Декларативный характер российской Конституции и практика имитации демократии, широко используемая путинской адми-

нистрацией, мешают видеть подлинные причины инерционности институционального развития. Девяностые годы XX века прошли в ожесточенной борьбе за власть различных фракций прежней номенклатуры. Эти фракции провозглашали поочередно как необходимость последовательных и систематических реформ, так и важность консерватизма. В результате были разрушены лишь периферийные структуры управления, а центральные институты системы, с которыми связаны организация власти и легитимность социального порядка, оказались весьма устойчивыми. Недолгий переходный период «ельцинской демократии» (1992—1996) сменился все более «управляемой демократией». В начале 2000-х место партийно-хозяйственной номенклатуры заняли «чекисты», «силовики» и «новые олигархи», уже не нуждавшиеся ни в идеологии строительства «нового общества», ни в интеграции с европейскими демократиями. В качестве базовых принципов своей политики они провозгласили политический консерватизм («социальная стабильность и сильное государство»), традиционализм («защита национальных традиций и ценностей», крепкая семья, православие, антизападничество, восстановление статуса России как великой державы) и «единство народа и власти», то есть подавление оппозиции, управляемые выборы и использование СМИ в целях пропаганды.

Хотя устройство власти было несколько модифицировано, сам ее характер, выражающийся в ее самодостаточности (вертикальный принцип распределения компетенций), отсутствии политической ответственности, то есть каких-либо механизмов контроля со стороны общества и упорядоченных правил смены власти, остался прежним. Сохранилась и недифференцированность власти — зависимость ее законодательных и судебных органов от органов исполнительных⁹. А это значит, что общество в аспекте

его многообразных интересов и запросов отключено не только от принятия решений (выбор приоритетных целей, определение программ их достижения, обсуждение стратегий развития, бюджетной политики), но и от контроля над их реализацией, от оценки издержек управления и т. п.

Центральные институциональные звенья устояли только благодаря резкому сокращению распределительных функций советского государства. Выполнение последних стало невозможно после утраты прежних аппаратов планирования и тотального принуждения. Однако это вовсе не значит, что государственное насилие, характерное для

возможной и получает свое оправдание только при условии согласия населения с двойными стандартами поведения. В любом из этих случаев согласие населения на «особость» ситуации управления, будь то «чрезвычайное положение» или выведение за рамки подсудности, воспроизводит принципиальные особенности массового сознания, а значит, и устройства самого общества.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВОМ широко используются для сохранения социального порядка. Эти технологии основаны на деполитизации, деидеологизации, нейтрализации или стерилизации общественного

“Косная и деградирующая периферия гасит те неустойчивые импульсы изменений и модернизации, которые возникают в Центре”.

практики управления на поздних стадиях тоталитарных режимов или посттоталитарных обществ, полностью исчезло.

Следует подчеркнуть принципиальное отличие посттоталитарного государственного насилия от монополии на применение легитимного насилия, являющейся принципиальной составной частью правового государства в странах западной демократии. В последних его применение исполнительной властью систематическим образом контролируется и уравнивается независимыми судебными и законодательными властями. В посттоталитарных обществах разделение властей носит условный характер при доминировании персонализированных структур господства. В России насилие лишено идеологической санкции. Оно представлено в виде массы косвенных социальных ограничений, часто противоречащих друг другу, которые стерилизуют возможности индивидуальной инициативы и свободы действия. Практика принуждения оказывается

мнения, подавлении автономности любых групп влияния. Главная задача кремлевской администрации — не допустить политической самостоятельности населения в сферах подотчетности власти и ее смены (как и в других сферах самоорганизации общества). Для этого потребовалось не только нейтрализовать проявления общественной солидарности, но и вести систематическую работу по фрагментации общества, препятствовать формированию горизонтальных связей, сочетая в работе СМИ функции пропаганды с развлечением и «успокоением». Тем самым искусственно снижался интеллектуальный уровень аудитории, политические партии, не входящие в кремлевский «набор», вытеснялись с общественной сцены, а общество в результате погружалось в апатию. Это усугубляется тем, что и само население было изначально готово для подобной «обработки», — советский опыт приспособления к репрессивному государству глубоко вошел в механизмы поддержания самоидентичности

массового человека и общества, в культуру и тотчас же активизируется при малейшем усилении государственного контроля и принуждения.

А знаков, указывающих на усиление давления государства, было предостаточно. Но на первых порах общество позволило себя «угорворить». Оно приняло первые результаты стерилизации политической конкуренции и ограничений на критику власти в СМИ как составную часть усиления государства, необходимую для завершения транзита от тоталитаризма к демократии. Однако очень быстро путинский режим превратил «дефекты» незавершенной демократии — сохранение дееспособности прежних репрессивных и силовых институтов — в достоинства и преимущества нового порядка, обозначив тем самым символическую преемственность нынешней России с СССР как великой державой. Такие сигналы новой администрации Кремля, адресуемые фрустрированной происходящим и ностальгирующей по СССР провинции и депримируемой части общества, были восприняты ими с большим энтузиазмом. Технологически консервативный реванш и формирование путинского авторитаризма стали возможны благодаря нескольким предпосылкам: сохранение зависимости суда от исполнительной власти, что означает избирательное применение правосудия; управляемые выборы, цензура в наиболее массовых СМИ, установка на консервативный характер образования, риторика противостояния угрозе со стороны внешних и внутренних врагов, имитационный традиционализм.

Возможности трансформации тоталитарных институтов зависят от активности общественных движений или политических групп, заинтересованных в соответствующих изменениях. При этом такие группы должны пользоваться доверием и поддержкой, чтобы привлечь на свою сторону активную часть населения. Наличие подобных групп пред-

полагает известный уровень солидарности, морали и интеллектуальной развитости, критической рационализации исторического прошлого (что, в свою очередь, предполагает утверждение в общественном сознании идеи политической ответственности руководства). Нельзя сказать, что ничего этого не было на момент начала гайдаровских реформ или что таких групп нет сейчас. Но соответствующие движения не набирают «критической массы», необходимой для достижения политического эффекта. Основная часть населения не связывает условия своей жизни с политическим участием.

МАССОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ВЛАСТИ

Опросы общественного мнения указывали на растущий в конце 1990-х — начале 2000-х годов общественный спрос на идеи «порядка», «твердой руки», соблюдения «законности», реализовать которые на практике должна была сильная персональная власть. Такая власть, по мнению респондентов, «могла» и, соответственно, «должна» была бы противостоять произволу администраций разного типа — правительства, губернаторов, предприятий, местной власти, милиции, а также криминалу. Сами по себе иллюзии такого рода не случайны: они отражают моральное и интеллектуальное состояние российского общества. Настроения смятения, или фрустрации, вызванные внезапным усложнением и возникшей неопределенностью, неконтролируемостью жизни, прежде всего повседневного существования, рано или поздно не могли не вылиться в массовое недовольство переменами и их инициаторами. Процессы аномии, действительно имевшие место в первой половине 1990-х, усиливались и вступали в резонанс с явлениями деморализации и массового распространения цинизма. Данные умонастроения были вызваны не только утратой перестроечных иллюзий к середине 1990-х годов, но и реакцией на наступление

гораздо более жесткой эпохи денежных, или рыночных, отношений, к которым никто из демократов (как политиков, так и демократической общественности) в социально-политическом плане не был готов. Другими словами, в общественном сознании собственные социальная и интеллектуальная беспомощность, уязвимость и растерянность, дезориентированность проецировались в ожидание авторитетного лидера (см. таблицу 2 на с. 29), способного убедить людей в том, что лучшее будущее не за горами, а им следует только подчиниться ему и идти за ним. На эти ожидания и отвечала, пусть и не в полной мере, путинская риторика государственного патернализма, реставрации советского прошлого, национальных проектов, без которых централизация управления и ограничение автономии различных групп и институтов была бы затруднительной.

Сегодняшняя картина массовых установок в общем и целом может быть описана как условное признание иерархической и бесконтрольной власти, опирающейся прежде всего на неорационалистские, немодерные институты. Среди них наиболее важны: институт «национального лидера», воплощающего в себе полноту государственно-патерналистской власти; православная церковь, санкционирующая символический статус держателей власти; политическая полиция, наделенная чрезвычайными, то есть не ограниченными правом и законом, полномочиями; «техническое» правитель-

ство, не имеющее собственного политического статуса и значения, а лишь осуществляющее волю «национальных лидеров»; и «армия» как важнейший институт государства, символ его исторической памяти и техники массового принуждения. Главным условием устойчивости режима является поэтому не столько потенциал массового одобрения или поддержки власти, сколько отсутствие явного сопротивления ему. Шестьдесят процентов респондентов в апреле 2010-го заявили, что «нынешняя власть заслуживает того, чтобы ее поддержать» (их оппонентов, считающих, что «нынешняя власть должна быть заменена, и чем быстрее, тем лучше», оказалось намного меньше — 24 процента).

Все прочие государственные и общественные институты лишены собственного значения. В глазах общества они предстают либо неэффективными, либо «дисфункциональными» образованиями, причем чем ближе они к повседневной жизни граждан, тем более негативно оценивается их деятельность. Ни суд, ни милиция, ни профсоюзы или политические партии, по мнению россиян, не предназначены для обеспечения потребностей и интересов населения — их функция и назначение в поддержании господства и контроля над обществом или в работе на самих себя, удовлетворении своих корыстных интересов.

Тренд изменений на протяжении двух последних — кризисных — лет показывает некоторое повышение доверия к спецслуж-

Таблица 2

ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, СЛЕДОВАЛО БЫ ПРЕДПРИНЯТЬ ПРЕЗИДЕНТУ И ПРАВИТЕЛЬСТВУ В УСЛОВИЯХ НЫНЕШНЕГО КРИЗИСА В СТРАНЕ? С КАКИМ ИЗ ПРИВЕДЕННЫХ НИЖЕ СУЖДЕНИЙ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?	
«Закрутить гайки» и жестко относиться к любым «вольностям» в политике и экономической жизни	53
Предоставить людям свободу заниматься своими делами и следить только за тем, чтобы они не нарушали закон	33
Затруднились с ответом	14

Январь 2001 г., N=1600, в % к числу опрошенных

бам (производное от усилившейся пропаганды образа «чекистов» вообще и «чекистов во власти», утверждаемого окружением Путина) и снижение доверия к низовым органам государственной власти. ФСБ в последние годы постепенно оттесняет в рейтинге институционального доверия и СМИ, и правительство, и «вооруженные силы», ранее занимавшие место сразу после церкви. Иначе говоря, «доверяем» (капиталом символической поддержки) пользуются только те институты, которые обладают безальтернативным статусом репрезентации всего национального целого (Путин, РПЦ) или силой легального принуждения. Еще раз подчеркну: самими авторитетными оказываются асимметричные институты государственного или «морально-го» принуждения. Эти институты не контролируются обществом, которое слабо организовано, плохо консолидировано и к тому же поддерживается в таком расслабленном или рассеянном состоянии. Недоверие к остальным структурам, которые по идее должны

были бы задавать правила, или нормы, практического, повседневного взаимодействия, означает не просто широкое диффузное недовольство их деятельностью, но и готовность пренебрегать их требованиями и нормами, когда это не грозит слишком сильными санкциями и штрафами. Такая тактика взаимодействия с репрессивными институтами ведет к подавлению правового универсализма и тем самым к сохранению двоемыслия, иерархичности, моральной «мозаичности», недоверия к другим, а значит, и к ослаблению потенциала солидарности и кооперации. Мы можем с уверенностью делать вывод о том, что условия для воспроизводства нынешнего режима и всего общественного целого сохранятся на неопределенный срок.

Путин не просто опирается на эти силы, но и, по мнению населения России, «выражает» их интересы (см. таблицу 3 на с. 30).

Рост авторитарных установок¹⁰ в конце 1990-х – начале 2000-х годов был не просто реакцией на тяжелейший кризис, но

Таблица 3

НА КАКИЕ СЛОИ НАСЕЛЕНИЯ ОПИРАЕТСЯ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ВЛАДИМИР ПУТИН?					
	2000 окт.	2001 июль	2003 июль	2005 июль	2010 окт.
«Силовики»: работники спецслужб, армии, МВД	54	43	51	51	35
Бывшее ближайшее окружение Ельцина, «семья»	25	22	25	19	11
«Олигархи», банкиры, крупные предприниматели	24	15	27	25	31
«Директорский корпус»: руководители крупных предприятий	16	16	20	23	23
Государственные чиновники, бюрократия	12	15	21	26	25
«Простые люди»: служащие, рабочие, труженики села	12	15	15	18	16
«Средний класс»: люди с хорошим достатком	10	16	19	23	21
Интеллигенция	5	10	8	12	9
Культурная и научная элита	4	8	9	11	8
«Люмпены»: нищие, опустившиеся люди	0	0	0	1	0,8
На все без исключения	5	7	7	5	8
Затрудняюсь ответить	13	18	11	12	12

В % к числу опрошенных, N=1600; окт. 2000, июль 2001, 2003, 2005, окт. 2010; ранжировано по 2000 году

Таблица 4

ТО, ЧТО В РУКАХ ВЛАДИМИРА ПУТИНА СОСРЕДОТОЧЕНА СЕЙЧАС ПРАКТИЧЕСКИ ВСЯ ВЛАСТЬ В СТРАНЕ, ИДЕТ НА БЛАГО РОССИИ ИЛИ НЕ СУЛИТ РОССИИ НИЧЕГО ХОРОШЕГО?						
Год, месяц опроса	2004 март	2005 дек.	2006 сент.	2007 окт.	2009 июль	2010 июль
Идет на благо России	68	57	61	66	63	52
Не сулит России ничего хорошего	20	29	24	20	16	22
Затрудняюсь ответить	12	15	14	14	21	26

N=1600

и частичным восстановлением прежней культуры патернализма (соотношение авторитарно-патерналистских установок и противоположных им по духу составляет примерно 2:1 или даже 3:1, см. таблицу 4 на с. 31). Пока нет оснований ожидать, что в ближайшем будущем сформируются новые группы с другими социально-экономическими, политическими или идеологическими запросами, а значит, не произойдет и смена этих установок. У сегодняшней власти достаточно массовой поддержки ¹¹, чтобы даже в ситуации продолжительного падения уровня жизни населения держать под контролем ситуацию в стране, как минимум, до середины следующего (после 2012-го) цикла существования режима.

Однако, говоря о «поддержке» или «одобрении» власти, следует учитывать, что в подобных показателях сильная привержен-

ность к премьер-министру у немногих россиян сочетается с широко распространенными, но расплывчатыми и слабыми по своей интенсивности позитивными установками, индифферентность — с безальтернативностью выбора. Доминантой отношения к Путину оказывается отсутствие выраженной антипатии или принципиальная неспособность к оценке (см. таблицу 5 на с. 31) ¹². Как утверждала Ханна Арендт, пассивная покорность в тоталитарных или репрессивных режимах равнозначна их поддержке и одобрению ¹³.

Авторитарный режим, подавляя общественно-политические дискуссии и свободу информации, стерилизует и вытесняет саму идею политического будущего. Усиливающийся неотрадиционализм сопровождается стойким массовым равнодушием к декларируемым политическим целям режи-

Таблица 5

ЛЮДИ ДАЮТ РАЗНЫЕ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУТИНА. С КАКОЙ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НИЖЕ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?	
Я полностью поддерживаю взгляды и позиции Путина	22
Я готов поддерживать Путина до тех пор, пока он готов проводить демократические и рыночные реформы в России	30
Раньше мне Путин нравился, но в последнее время я в нем разочаровался	11
До сих пор мне Путин не очень нравился, но надеюсь, что в дальнейшем он будет полезен России	4
Я поддерживаю Путина за неимением других достойных политических деятелей	18
Я не являюсь сторонником Путина	8
Я считаю, что нужно поддерживать кого угодно, только не Путина	0,8
Затруднились ответить	6

Август 2010; N=1600

ма¹⁴ и к самой политике. Высокий рейтинг первых лиц означает, что основная часть населения не представляет себе будущего, а стало быть, и не готова к изменению или рационализации собственного поведения. Возможность планирования собственной жизни крайне ограничена, поскольку оно может производиться систематическим образом только при наличии реально работающих формальных (правовых) институтов. Значимость патерналистских ориентаций обратно пропорциональна эффективности современного государства. Отчуждение от

ний говорят о крайне низкой включенности в политику большинства населения России.

О своем «большом интересе» к политическим событиям и процессам заявили лишь 9 проц., у большинства (52 проц.) он, по их словам, вообще отсутствует; оставшиеся 39 проц. опрошенных назвали свой интерес к политике весьма «умеренным». При этом 54 проц. респондентов говорят о себе, что «они не разбираются в политике». Объяснение такому поведению следует искать в массовом осознании препятствий, которые ограничивают участие людей в

“Возможность планирования собственной жизни крайне ограничена, поскольку оно может производиться только при условии реально работающих формальных институтов”.

политики¹⁵, копившееся не только на протяжении последних 15 лет, но и подкрепленное опытом жизни трех советских поколений, невозможно преодолеть в течение нескольких месяцев предполагаемого обострения социальной ситуации, даже при тяжелом кризисе. Как показывает опыт, активизация общественных групп и нарастание протестов происходит — даже в благоприятных условиях и при отсутствии явных репрессий — очень медленно, на протяжении многих лет. Чтобы этот процесс привел к реполитизации общества, недостаточно одного осознания либерально настроенными группами политиков, предпринимателей, технократов и интеллектуалов в Центре того факта, что система нуждается в радикальной трансформации. Для этого в самой структуре власти должны возникнуть влиятельные группы, по тем или иным причинам заинтересованные в смене режима. Кроме того, еще одним необходимым условием является утрата властью своей легитимности и поддержки населения. Этих минимально необходимых трех условий сегодня нет. Более того, данные исследова-

общественных делах и их влияние на принятие решений, затрагивающих жизнь самых широких кругов населения (это мнение разделяют 83 проц. опрошенных). Население России глубоко убеждено в том, что у него нет средств для выражения своих интересов и потребностей — ни действующие партии, ни профсоюзы, ни политики для этого не годятся. НКО дискредитированы официальной пропагандой либо в качестве агентов влияния Запада, либо в качестве скрытых коммерческих структур, преследующих под видом благотворительности собственные корыстные цели. Восемьдесят процентов опрошенных полагают, что нынешние политики заинтересованы лишь в том, чтобы быть избранными, а не в том, чтобы проводить в жизнь то, чего действительно хотят избиратели (8 проц. не согласны с ними, и 7 проц. затрудняются с ответом на этот вопрос¹⁶). Шестьдесят восемь процентов не верят, что, участвуя сегодня в митингах и демонстрациях, можно таким людям, как они сами, добиться поставленных целей или защитить свои интересы.

Показателем политического влияния протестных групп и масштабов социального недовольства является *социальная организация* массовых движений и артикуляция общественных настроений. Однако подобные возможности последовательно (к тому же на самых ранних стадиях возникновения организации) и со всей решимостью подавляются кремлевской и региональными администрациями. Без социальной организации массовые протесты приобретают характер изолированных краткосрочных акций, отдельных очагов или вспышек группового недовольства, неизбежно приобретающих вид апелляций к патерналистской власти, жалоб на начальство начальству же. Эти сюжеты с готовностью подхватываются властями, разыгрывающими сцены «личного вмешательства» и «устранения отдельных недостатков и злоупотреблений». Новые технологии господства и массового манипулятивного управления, взятые на вооружение режимом Путина, имеют целью поддерживать общество в состоянии атомизированности и демонстрируют неприятие общественной солидарности вне рамок, санкционируемых самой властью, — вне «Единой России», союзов ветеранов, михалковского союза кинематографистов, вне одобренных, то есть традиционалистских,

как РПЦ, или стерилизованных в политическом плане институтов, подобных РСПП, Общественной палате, клубам футбольных фанатов и т. п.

Оборотной стороной таких взаимоотношений между государством и обществом оказывается стойкое и распространенное недоверие к персональному составу властных структур, латентное неуважение или даже антипатия по отношению к власти (см. таблицу 6 на с. 33).

Поэтому 75 проц. и не хотели бы участвовать в политических акциях и общественной деятельности, пусть даже направленной на проблемы города или района, где живут сами респонденты. При этом 25 проц. заявили, что при определенных условиях «они хотели бы больше участвовать в политической жизни города и страны в целом», однако у них нет для этого возможностей. Препятствия для общественного участия давно известны и широко обсуждаются в Интернете и тех СМИ, которые сохраняют относительную редакционную независимость от манипуляции, запугивания, использования административного ресурса и т. п. Отсутствие честных и свободных выборов, референдумов, давление на НКО, цензура в наиболее массовых СМИ и проч. — это и есть те рамки, в которых привычка «терпеть» и считать, что

Таблица 6

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ ЛЮДЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ СЕЙЧАС У ВЛАСТИ? ЭТО —...											
(А) люди, озабоченные только своим материальным и карьерным благополучием											
(В) честные, но слабые люди, не умеющие распорядиться властью и обеспечить порядок в стране											
(С) честные, но малокомпетентные люди, не знающие, как вывести страну из экономического кризиса											
(D) хорошая команда политиков, ведущая страну правильным курсом											
(З/О) затруднились ответить											
	1994 г.	1997 г.	2000 г.	2001 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
A	47	59	38	52	53	64	51	60	31	31	43
B	16	15	11	11	14	11	12	9	11	13	11
C	18	11	11	12	9	10	10	11	13	13	10
D	4	4	17	10	13	6	12	10	26	23	18
З/О	15	11	23	15	11	9	15	10	19	20	19

N=1600

«своя рубашка ближе к телу» или «моя хата с краю», оказываются самым полным выражением народной мудрости и тактики пассивной адаптации к государству. Поэтому относительное большинство (45 проц.) не считает себя ответственным за происходящее в стране, а с учетом затруднившихся ответить на вопрос об участии в политике (9 проц.) они составляют большинство. Лишь 9 проц. россиян «безусловно считают себя ответственными за положение дел» и 37 проц. в «какой-то степени», хотя степень этой ответственности и условия, при которых она наступает, сами по себе очень неопределенны и респонденты не в состоянии их прояснить.

Снижающий характер адаптации: лукавый человек

Обе стороны строят свои отношения на взаимном обмане (таково доминирующее мнение), хотя граждане, как они считают, все же повинны в этом существенно меньше, чем государство. В обществе широко распространено ощущение, что граждане, пусть и в принудительном порядке, но все же в большей мере выполняют основные пункты «общественного договора», чем государство: соотношение мнений «выполняют/не выполняют» в отношении самих людей составляет 2:1, в то время как мнения об исполнении своих обязательств со стороны государства представляют обратное соотношение — 1:2. Это ощущение служит оправданием для нарушения закона или социального порядка и тем самым оказывает разлагающее влияние на правовое сознание россиян. Описываемый эффект Татьяна Заславская и называла поведением «лукавого раба».

Представление о взаимном обмане привычно и понятен для всех сторон, а потому такой тип поведения не вызывает особого возмущения или отвращения публики, представляясь «нормальным». Можно сказать, что подобного рода социальные конвенции

поддерживают общепринятый порядок «политического» согласия в советской и постсоветской России, охватывая все стороны публичной жизни — от выборов до экономики. Контроля над властью у общества нет (так полагают 80 проц. россиян, «есть» — 9, затруднились ответить — 11 процентов).

Власть может сохранять свое доминирующее положение и действующий характер управления только путем систематического снижения интеллектуального, культурного и морального уровня общества. Целью становится подавить у граждан сознание собственного достоинства, то есть нейтрализовать мотивацию и ориентацию на успех, на более высокие образцы социального признания и GRATIFIKACII деятельности и общественного поведения, стерилизовать сами механизмы селекции «лучшего», склоняя людей к мысли «быть попроще», «быть как все». В результате у общества практически отсутствуют механизмы поощрения и признания инновационного поведения. Привычная практика, когда не общество, не независимые и профессиональные группы, а само коррумпированное и неправовое государство определяет, что следует считать «собственностью», «моралью», «культурой», «законом», «достоинством» и «достижением» (тем самым покупая лояльность тех, кто готов ее обслуживать), является в общественном мнении свидетельством разложения и стерилизации независимых элит. Другими словами, государство не использует элитные группы признанных и авторитетных в обществе профессионалов, а назначает свою сервильную службу на роль «элиты», дискредитируя саму идею ценности творчества, знания, права, продуктивности и инновационного развития. В итоге вся система ценностных приоритетов и GRATIFIKACII искажается до своей полной противоположности.

Протестные настроения как фактор изменений

Значительная часть общества (как правило, наиболее депрессивная, бедная и люмпенизированная — сельское население, жители малых и средних городов, затронутые процессами социальной деградации) не испытывает нужды в социально-политических или экономических переменах, даже в возврате к старому, несмотря на ощутимую ностальгию по советским временам. Данные специальных исследований показывают, что у этой массы населения сегодня, как и в советские времена, нет значимых мотивов интенсификации своего труда.

В обществе поддерживается привычный баланс «полудовольства» и хронического раздражения, которое в 2000-е годы никогда не достигало критического порога. Впрочем, даже в самые тяжелые моменты середины 1990-х протестная активность населения оставалась крайне низкой и сама по себе не была фактором изменения власти. В настоящее время (после спада 2008–2009 годов) в обществе не наблюдается какого-либо роста напряженности: 36 проц. респондентов заявили, что «в общем и целом» жизнь, которую они ведут, их устраивает, 40 — ответили «отчасти да, отчасти нет», а о том, что они не довольны тем, как они живут, «жизнь их не устраивает», сказали 24 процента. Довольно спокойно смотрят в будущее 43 проц., у 51 проц. «нет уверенности в завтрашнем дне». Свое материальное положение характеризуют как «среднее» 59 проц. (а именно ориентация на уровень окружающих — референтный образ жизни «как у всех» — является основанием для оценки качества своей жизни). «Хорошим» его называют лишь 13 проц., «плохим» — 24. У 49 проц. респондентов «жизнь семьи не менялась» в последние годы, у 18 — она стала лучше, у 32 проц. — «хуже», чем была раньше. Общий тонус определяется формулой: «жить трудно, но можно терпеть»

(56 проц.), однако у более чем четверти опрошенных (27 проц.) доминирует оценка: «все не так плохо», и лишь у 15 проц.: «так жить нельзя, терпеть более невозможно» (21 проц. респондентов затруднились дать какую-либо оценку и ответить на вопрос). Иначе говоря, устойчивость положения основной массы населения ограничена рамками рутинной и мало меняющейся, довольно бедной по своим запросам, но именно поэтому сравнительно легко удовлетворяемой жизни. Эта часть россиян не знает других стандартов жизни или не ориентируется на них. Поэтому «дела в России идут в правильном направлении», считают 44 проц., «в неправильном направлении, руководство ведет страну в тупик» — 33 проц., и 23 проц. затруднились с ответом¹⁷.

Уровень хронического раздражения относительно высок, но оно не выливается в активные действия. Тем временем власть учится реагировать на открытые формы недовольства и несколько снимать напряжение, не устраняя самих факторов и причин, их порождающих. Раздражение не стоит путать с общественным протестом, поскольку это явление имеет иную природу и функцию. Диффузное раздражение не угрожает функционированию системы — напротив, оно встроено в формат нынешних отношений власти и подданных. Вопреки поверхностным мнениям, неопределенное и безадресное недовольство играет важную стабилизирующую роль в воспроизводстве целостности режима. Дело в том, что оно не предполагает смены «системы», а ограничивается лишь пожеланиями заменить отдельных лиц, «плохих» хозяев жизни, на «добрых и честных». Еще более существенна латентная функция поддержания порядка у «кухонной критики» или «разговоров в курилке»: это не просто проявление пассивности общества в условиях авторитаризма или «клапан для выпуска пара» — это характерный для закрытых обществ суррогат политической или обще-

ственной активности, признак кастрации гражданского общества.

Роль образованного сообщества двусмысленна. С одной стороны, оно, несомненно, является носителем социального знания и отчасти источником модернизационных образцов. С другой — оппортунизм социальной элиты, связывающей все перемены исключительно с властью и ее трансформацией, лишает ее морального авторитета и престижа в обществе. В результате не оказываются авторитетных фигур, способных помочь населению разобраться в происходя-

национальным СМИ и университетам).

Исчезновение политики как практики, невозможность выражения групповых взглядов, подавление или ограничение активности НКО и других форм гражданского участия парализуют российское общество и ввергают его в состояние привычной апатии и ступора.

В атмосфере низкого доверия людей друг к другу любые формы репрезентации групповых интересов, идей и представлений (включая и официоз) теряют свое значение и воспринимаются скептически и с раздражением. Число организаций гражданского общества

“Адресатом массовых выступлений в Москве в декабре 2010 года были высшие власти страны, не выполнившие свои прямые обязанности”.

шем и наметить ориентиры будущего. Если в 1990-е годы еще существовало некое подобие идеализма или романтизма «демократии», то со второй половины 2000-х образованное сообщество в гораздо большей степени, нежели прочие группы общества, склонно высказывать националистические, клерикалистские и традиционалистские взгляды, подыгрывая настроениям высшего руководства. Возможности артикуляции и репрезентации групповых интересов и представлений различных групп в публичном поле и политическом пространстве очень ограничены или, точнее, сведены к нулю (за исключением ограниченного числа относительно независимых СМИ и Интернета). Снижение политической активности и гражданской солидарности, наблюдаемое в последние годы, обусловлено не только давлением власти на партии, не входящие в кремлевский круг, а также на общественные организации. Проблема в том, что партии, автономные НКО и общественные организации лишены доступа к каналам взаимодействия с общественностью (в первую очередь к обще-

в последние годы заметно снизилось (если судить по данным официальной статистики), а число занятых в НКО и волонтеров остается (если исходить из данных опросов) сравнительно стабильным, но невысоким — 1,5–2 проц. населения.

Сам потенциал протеста незначителен (и явно преувеличивается оппозицией, которая связывает с ним надежду на политические изменения, и ангажированной журналистикой). Тем не менее власть боится массовых выступлений и реагирует на них нервно и порой иррационально. Выходу массового недовольства на поверхность препятствует несовершенство партийной системы и ограниченность других общественных форм артикуляции интересов. Декларативная готовность к протестам колеблется в диапазоне 12–18 проц. населения, однако реальное участие в митингах и демонстрациях, публичных акциях и собраниях принимало менее одного процента (на протяжении прошлого года). Десять процентов опрошенных говорят, что раньше, в конце 1980-х — начале 1990-х годов, они участвовали в публичных

демонстрациях, а с тех пор — нет. Население сел и малых городов, малообразованные и низкоквалифицированные группы отличаются самыми высокими показателями фрустрации. Однако их потенциал самоорганизации и протеста крайне низок из-за отсутствия знаний, опыта консолидации и готовности к активным мерам по защите своих прав. Поэтому особой опасности для режима они не представляют.

Политические требования и акции готово поддержать существенно меньшее число людей, чем требования экономические. Почти во всех случаях вероятность личного участия (даже в форме декларации о намерениях) сами респонденты оценивают значительно ниже, чем вероятность акций вообще. При таком отношении к делу, когда граждане в целом считают, что в акциях могут участвовать другие, но не они сами, в действие вступает коллективный фактор, который понижает вероятность наступления самого события. Численность участников реально происходящих акций составляет сотые доли процента от тех, кто в опросах общественного мнения заявлял, что при случае готов в знак протеста выйти на улицу вместе с другими. Тем самым данные такого рода не могут служить основой для оценки коллективных действий. Однако они показывают степень напряженности, существующей в обществе в разные периоды времени, то есть являются одним из важных индикаторов состояния общества.

Пример быстрой эскалации массовых напряжений являются собой акции футбольных фанатов, которые протестовали против убийства своего товарища в драке с кавказцами. Как известно, эти акции, имевшие место в Москве в декабре 2010 года, переросли в массовые беспорядки под открыто ксенофобскими и нацистскими лозунгами. Оставляя в стороне иногда высказываемые в Интернете предположения о том, что за

этим стоят спецслужбы, заинтересованные в провоцировании беспорядков для каких-то своих целей, хотелось бы подчеркнуть некоторые особенности имевших место выступлений. Дело в том, что эти особенности могут помочь спрогнозировать возможные массовые движения в будущем. Во-первых, наличие *массовой социальной организации* (фанатские клубы, сетевая структура объединений болельщиков), которая, как оказалось, может быть использована для самых разных целей лидерами и организаторами таких движений. Сам факт организации более важен, нежели настроения или идеологические установки рядовых членов. Во-вторых, эти акции имеют антигосударственную направленность. Взрыв эмоций был вызван именно неверием в возможность добиться справедливости в рамках закона, представлением о том, что органы правопорядка и судебная власть куплены, то есть что в стране *нет правосудия*. Это не традиционные погромы, когда толпа громила дома евреев, татар, узбеков, армян, немцев и других «чужих» или в чем-то виноватых. Здесь адресатом массовых выступлений (в Москве в декабре 2010 года) были высшие власти страны, не выполнившие свои прямые обязанности. И наконец, третья обстоятельство: консолидация стала возможной только на почве ксенофобии, на нацистской основе, посредством механизмов *негативной солидарности*, а не на ценностях и представлениях более высокого порядка, чувстве гражданской ответственности и общности. Объединяло всех чувство ненависти к чужим, другим, архаическое единение «своих» против «чужих». Вопросы о зачинщиках драки, о мере вины каждой из сторон и т. п. не поднимались: от власти требовали защиты своих. В этом и состоит племенное чувство «справедливости».

Важно подчеркнуть, что в отличие от массовых протестов января 2005-го, в которых участвовали главным образом пенсионеры,

в декабрьских массовых беспорядках были задействованы молодые и не очень образованные люди, предположительно, из нижних и ниже средних слоев, но не люмпены. Это, собственно, и есть путинская молодежь, время социализации которой пришлось на период формирования авторитарного правления. Базой же соответствующей молодежной культурной политики и пропаганды явились идеи «возрождения России», «вставания с колен», жесткое деление на «наших» и «ненаших», антизападничество, индоктринация населения идеями русского национализма, псевдотрадиционализма и т. п. Именно в этот период укоренилось представление, будто коллективная солидарность возможна только по «крови», по, как говорят социологи, «аскриптивным» признакам — рождению, территориальной принадлежности, а не по «достижительным» — приобретенным личными усилиями и собственной работой.

Иными словами, экстраординарные по своему характеру массовые организованные движения протеста оказываются возможными только как, говоря словами Никласа Лумана, явления «редукции сложности», возвращения к более примитивным социальным формам (даже если при этом используются современные средства коммуникации), как выражение варваризации общества. Поэтому они не могут быть устойчивыми и воспроизводиться сколько-нибудь длительное время. Кроме того, они не самодостаточны, а зависят от действий других институтов, будучи реакцией на них.

Выводы

Нынешний режим, стремясь подчинить своему контролю механизмы политической конкуренции, средства массовой информации, деятельность общественных организаций, судебную власть и другие институты, подавляет процессы социальной и структурной дифференциации. Тем самым он

блокирует возможности модернизационной трансформации системы. Следствием этого оказывается усиление традиционализма и компенсаторного национализма, сохранение государственно-патерналистских, антилиберальных и антизападнических настроений в обществе, популярность изоляционистских идей. В обществе идет процесс нарастания консерватизма и политической апатии — явлений, хорошо известных по опыту других стран с переходными авторитарными режимами. Идеологическое господство сменилось политическими технологиями удержания массы населения в состоянии пассивности, ограниченности запросов, недоверия к любым партиям, организациям гражданского общества и неверия в возможность перемен. Адаптация к переменам происходит не через усложнение состава и структуры общества, увеличения ценностного и культурного многообразия, нарастания человеческого и интеллектуального потенциала, а, напротив, через его снижение и упрощение институтов, обеспечивающих базовые правила взаимодействия в социуме.

В российском обществе постоянно возникают группы, стремящиеся к модернизации (в смысле проведения институциональных реформ в важнейших сферах — права, судебной и правоохранительной систем, армии) и обладающие пониманием того, что без последовательной деэтактизации экономики страна неизбежно будет сползать в состояние необратимой деградации. Однако эти импульсы гасятся интересами самосохранения властных групп, оппортунизмом элит и общественной апатией населения, моральный и культурный горизонт которого ограничен инерцией адаптационного выживания. Проблема будущего (эволюция и развитие или инволюция и деградация) таких посттоталитарных обществ заключается в том, что здесь «власть» является не просто техническим аппаратом массового управления. Это —

символический институт, воплощающий и воспроизводящий базовые представления о человеческой природе (доминирование и зависимость, пространство свободы и самодостаточность человека) и ценности коллективного поведения. Оправдание такого порядка (согласие с государственным насилием) означает принятие практики систематической ценностной дисквалификации подданных, лишение их собственного значения, отказ власти признавать их самостоятельными субъектами прав, включая и право на существование, образование, защиту собственных интересов и т. п.

“Модернизационные импульсы, возникающие в обществе, гасятся интересами самосохранения властных групп, оппортунизмом элит и апатией населения в целом”.

Возможность изменений открывается лишь с накоплением некоторого социального и культурного капитала в новых поколениях. Для этого их уровень жизни должен существенно повыситься, достигнув наконец такой черты, за которой страх перед нищетой и угрозой возвращения к аскетизму советского дефицитного распределения перестанет играть роль ценностного регулятора. Недовольство же длительным застоём и патриотической риторикой возрождения России как великой державы послужит стимулом перемен. Но эти перспективы открываются (даже чисто теоретически) лишь в следующем цикле смены поколений, в ходе вероятного отталкивания от тех, кто сегодня составляет «путинскую молодежь», то есть где-то в середине 2020-х.

В самом обществе не возникло значимых институциональных условий для изменений, для аккумуляции интеллектуального и ценностного (морального, культурного) разнообразия. Не была также осознана и необходимость его защиты, не было достигнуто

понимание угрозы, которую несет обществу авторитарная консервативная власть.

На средние по срокам масштабы прогноза (от 2015-го до 2020 года), задаваемые циклами смены власти, то есть от середины следующего электорального цикла до конца очередной электоральной кампании, можно наметить несколько вероятных сценариев развития ситуации в России:

- Острота и тяжесть мирового финансово-экономического кризиса, равно как и перспектива продолжительной рецессии после кризиса, заставит руководство страны провести *системные изменения в*

политической сфере, подавив тенденции усиления авторитарного режима. Это означало бы возвращение к планам радикальных реформ политической системы, суда и правоохранительных органов, восстановление свободы СМИ, обеспечение независимости суда и честных конкурентных выборов, развитие самоуправления и гражданского общества. Такой сценарий наиболее желателен с точки зрения национальных интересов, но он наименее вероятен, если учитывать интеллектуальное и моральное состояние российских элит, высшего эшелона власти и политическую культуру большей части населения.

- Затяжной кризис со значительным спадом жизненного уровня населения на протяжении 5–7 лет приведет к *длительной дестабилизации* экономики (слишком большая нагрузка на бюджет) и *самого режима*, не справляющегося с нарастающими социальными проблемами. Это спровоцирует обострение противоречий между различными группами влияния, прежде всего

региональными элитами и федеральным Центром.

- *Усиление авторитарного и репрессивного характера государства* — вполне вероятный вариант, однако он не может быть продолжительным по времени: слишком жесткий режим не справится с нарастанием социального напряжения и последующими дисфункциями управления. Нынешняя система, безусловно, плоха, но она научилась быть несколько лучше советской, более гибкой, чем прежняя. Избрание Медведева (при сохранении авторитарного режима) — это свидетельство значительной эластичности режима.

- Наиболее вероятный вариант — это переход в фазу *хронической стагнации или вялого перманентного кризиса*, сопровождающегося колебаниями между социальной напряженностью и улучшением ситуации. Руководство страны будет принуждаться к частным изменениям в политике и законодательстве, к сочетанию усиления и ослабления государственного контроля над обществом и экономикой. Однако эти шаги не будут затрагивать принципиальную основу режима — «вертикальный» характер ее конструкции, сосредоточение рычагов управления в руках нынешней узкой теневой группировки. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Защита социального положения (включая межпоколенческую репродукцию статуса) требует от влиятельных или обладающих особыми ресурсами групп маркировать межгрупповые барьеры и социальные дистанции как «естественные» или «справедливые» различия, *закрепленные морально и юридически в праве*, то есть институционально. Если же этого не происходит, то политическая борьба разных групп за владение благами, за распоряжение ресурсами, за доступ к власти, за контроль над механизмами перераспределения превращается в борьбу «без правил». Сама иерархия социальных позиций и статусов, или социальный порядок в обществе, становится при этом нелегитимной. Держатели власти не в состоянии убедительно опровергнуть подозрения в фаворитизме, раздаче привилегий ближайшему кругу, произволе при распределении собственности (ее «захвате»), короче, освободиться от упреков и обвинений в том, что они «узурпаторы» и «временщики».

² См. недавнее выступление Александра Аузана: «Российский средний класс не растет и не является инноватором» (http://www.polit.ru/news/2010/10/15auzan_print.html). В зависимости от установок исследователей к среднему классу сегодня относят от 7 до 40 проц. и более населения. Эластичность операциональных критериев отнесения к среднему классу (учитывая задачу высшего руководства страны довести удельный

вес «среднего класса» в России до 60 проц. к 2020 году) превращает эту проблему в вопрос не столько научный или даже идеологический, сколько в «техническую» задачу бюрократического манипулирования данными статистики.

³ *Ченуренко А.Ю.* Малое предпринимательство в России // Мир России. 2001. Т. 10. № 4. С. 130–160; см. также: *Он же.* Малое предпринимательство в социальном контексте. М.: Наука, 2004.

⁴ Начиная с 2007 года число собственно «малых предприятий» стало сокращаться. См.: Социально-экономическое положение России. ФСГС (http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_01/Isswww.exe/stg/d08/pred-3.htm).

⁵ По данным Левада-Центра, более половины населения (54 проц. жителей) живут в том же месте, где они родились. Как считают демографы — специалисты по миграции (Анатолий Вишневский и другие), нынешний уровень мобильности населения соответствует уровню 1910-х годов, хотя в то время население страны было аграрным (85 проц. составляли жители села) и традиционалистским по своей культуре.

⁶ К ним мы относим города с численностью населения до 250 тыс. жителей.

⁷ Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, уменьшилась за последние 20 лет вдвое, с 1,5 млн человек (1990 год) до 760 тыс. человек (2008 год).

⁸ Приведу в качестве примера данные о культурном потреблении Центра и периферии, прежде всего о выпуске и потреблении литературы, массовом чтении и книгопокупках. 75–80 проц. всего книжного производства приходится сегодня на Москву (около двух третей) и С.-Петербург. Из-за развала советской системы книгораспространения и низкой покупательной способности периферии новые книги вообще сегодня не поступают в города с населением менее 250 тыс. жителей, не говоря уж о селе. При росте разнообразия книжного выпуска (число первых изданий в последние годы составляет примерно 110–120 тыс. названий, что в 2,5 раза больше, чем в советское время) общие тиражи сократились в 2–3 раза, а это значит, что весь этот информационный поток достается сравнительно небольшому слою населения больших городов. В результате число постоянных читателей в стране сократилось за постсоветское время с 29 до 22 проц., число «нечитателей» (людей, вообще не читающих книги или журналы) выросло с 1990-го по 2009 год с 44 до 54 процентов. Доля постоянных покупателей книг за 10 лет сократилась с 12 до 4 проц., не покупающих книг, напротив, выросла с 30 до 60 процентов. Сегодня пользуются библиотеками лишь 10 проц. взрослого населения. См.: *Дубин Б., Зоркая Н.* Чтение-2008: Тенденции и проблемы: По материалам социологического исследования Левада-Центра. М., 2008; *Общественное мнение: 2009: Ежегодник Левада-Центра.* М.: Левада-Центр, 2009. С. 134–139. Аудитория кинопроката сократилась в тридцать с лишним раз (в какой-то степени кинотеатры вытеснены возможностями кинопросмотра на иных, современных носителях, но это не полное замещение). То же можно сказать и о других каналах культурно-информационного потребления – печатной прессе, радио и Интернете. Последним пользуется примерно треть населения России (еженедельно – 32–35 проц.), основную массу которых составляют жители крупнейших городов, главным образом молодые люди до 35 лет, с высшим или незаконченным высшим образованием (студенты), соответственно, более доходные и информированные группы, сочетающие Интернет с другими каналами информации (число источников информации в этой группе составляет в среднем 8–9, тогда как в селе этот показатель в среднем не превышает 2–3, а главным источником служат федеральные телеканалы).

⁹ *Kryzhanovskaya O. V.* Sovietization of Russia: 2000–2008 // *Eurasian Review.* 2009. Nov. Vol. 2. P. 95–134.

¹⁰ Так, в июне 1997 года, когда едва начал обозначаться перелом в экономических реформах, появились первые признаки выхода из трансформационного кризиса и роста материального благосостояния, распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, чьи интересы, прежде всего, выражает новый состав правительства России?» – было следующим: «свои собственные интересы» (34 проц.); «интересы тех, кто имеет богатство и власть» (32), «интересы России/российского народа» (16) и «интересы Запада/западных компаний» (8 проц.), остальные затруднились ответить.

¹¹ Рейтинг «полного доверия» и одобрения действий первых лиц составляет в последние два года 65–70 процентов. Для сравнения – в 1994–1999 годах показатели «полного доверия» к президенту Ельцину снизились с 16 до 2 проц. (не считая искусственной мобилизации во время вторых президентских выборов в 22 проц.), а «полного недоверия» поднялся до 75 проц. (1999), что никак не сказывалось на характере организации власти. Правда, в той ситуации СМИ пользовались полной свободой и могли критиковать руководство страны, обсуждая различные аспекты положения дел в государственном управлении. Сегодня этого нет. Причиной ухода Ельцина было не снижение популярности, а давление на него ближайшего окружения. Зависимость авторитета первого лица от общественного мнения возникает только в условиях более или менее реального разделения властей и независимости СМИ. Можно отключить эту взаимосвязь, нейтрализовав СМИ или подчинив себе суд и парламент, как вскоре это проделала команда Путина, либо и то, и другое, и третье, то есть полностью подавив любые «шевеления» общества по образцу недавних президентских выборов в Белоруссии.

¹² В августе 2010 года о своем «восхищении» Путиным заявили 4 проц. опрошенных, еще 31 – относятся к нему с «симпатией», 38 – заявили, что они «не могут сказать о нем ничего плохого» и еще 11 проц. относятся к нему «безразлично». Негативные оценки (не могу сказать о нем ничего хорошего + антипатия и отвращение) составляют незначительные доли по выборке – 8 процентов. Такое восприятие не соответствует образу харизматического лидера, каким старается его представить официальная пропаганда.

¹³ *Arendt H. Eichmann in Jerusalem. N. Y., 1963. P. 120.*

¹⁴ Таково, например, было отношение россиян к национальным проектам или восприятие россиянами медведевских деклараций о модернизации. Число скептиков в 1,5–2 раза превышало число тех, кто верил, что реализация нацпроектов приведет к улучшению дел в соответствующих областях. На вопрос: «Как будут потрачены бюджетные деньги, выделенные на эти цели?» — 13–14 проц.

ответили «эффективно, с пользой для дела», 68–70 проц. — «неэффективно» или «будут разворованы» (Общественное мнение-2008. М., Левада-Центр. С. 52–53).

¹⁵ *Зоркая Н. Интерес к политике как форма политического участия // Общественный разлом и рождение новой социологии. М.: Новое издательство, 2008. С. 72–86.*

¹⁶ Апрель 2010 г., N=1600.

¹⁷ В среднем за 2009–2010 годы (N=12 200).